

Яковчук Наталья Евгеньевна

Эссе о бабушке Марии

Несколько слов воспоминаний о своей бабушке, по мужу Добкевич, урожденной Гржегоржевской Марии Эдмундовне, родившейся 20 ноября 1900 года в городе Лида, бывшей Польши.

До 1917 года бабушка проживала в Польше, где её сестра, братья Юзеф, Болеслав и ещё один (имени не помню) работали на стекольном заводе и занимались сельским хозяйством. Её мать и дочери занимались только семьёй. В то время если женщина выходила на работу в поле или на производство, то мужа поднимали на смех. И она быстро возвращалась к семье, так как детей у всех было не меньше пяти.

В канун революции в Польше стали нарастать волнения. И некоторые активисты попали в поле зрения полиции, в чёрные списки. Среди них оказался отец Марии-Эдмунд Сигизмундович Гржегоржевский, отец пятерых детей. После того, как он выступил с пламенной речью на могиле одного оппозиционера, убитого жандармами, ему припомнили и маёвки, организованные им. Это был 1917 год. Местные власти решили избавиться от беспокойного гражданина и поставили ему в паспорт печать- «Бунтовщик». Этот документ назывался «Волчий билет», с которым его и выслали в Россию вместе со всем семейством. Первоначально остановились в Пскове, но трудоустроится здесь глава семьи не смог. Тогда приехавший с Дальнего Востока знакомый поляк уговорил его перебраться со всей семьёй в Уссурийск. Там он и два его сына устроились стеклодувами, один - учётчиком на стекольный завод. Все были довольны, так как имели работу, дом, участок земли. Ездили в отпуск на Чёрное море (10 дней - туда и 10 – обратно). Один брат выучил языки (немецкий, русский и китайский), ездил в Китай выведывать секреты изготовления фарфора. Работал польский костёл в Уссурийске, где Мария Эдмундовна Гржегоржевская в 1917 году венчалась с приехавшим из Варшавы в Уссурийск в 1912 году Добкевичем Антоном (литовскую фамилию Добкевичас он сменил на Добкевич). От костёла в Уссурийске не осталось и следа. Сейчас там сквер. Костёл во Владивостоке разрушить не смогли. Очень большой. Превратили его в музей оружия. Вокруг него долго стояли пулемёты. Не знаю, как сейчас. Жили нормально до 1926 года. Это была Дальневосточная республика, где все жили «одинаково хорошо».

В 1926 году к власти пришли комиссары. В первый же день их правления стекольный завод и другие предприятия остановили свою работу. Вернее, были остановлены. Люди остались без еды, без хлеба. Граница с Китаем была закрыта. Брат-переводчик остался по ту сторону границы. Больше о нём никто не слышал. Другому брату предложили ходить по ресторанам, подслушивать разговоры и доносить на людей. Он отказался. Пришёл домой разгневанным, долго возмущался на тему «За кого они меня принимают?!» И вскоре был арестован. Это был 1934 год. В свидетельстве о смерти после реабилитации – 1937-й. Причина смерти – «сердечная недостаточность». Второго брата тоже арестовали. Та же причина смерти и год то же - 1937-й. Такое же свидетельство пришло и на их отца - Гржегоржевского Эдмунда Сигизмундовича, 1883 года рождения.

Задолго до этих событий НКВД начал работу по увеличению и укреплению штата сотрудников. Выглядело это так. К этому учреждению стали присоединять различные структуры, конторы, отделы, которые занимались своим делом и не помышляли о сотрудничестве с грозным монстром. Присоединили и адресный стол, в котором работала моя бабушка – Добкевич Мария Эдмундовна. Вот так она помимо своей воли оказалась сотрудницей НКВД. Тогда можно было уволиться, но была безработица. Вариантов – никаких. Тем более, что у неё - 5 классов школы в Польше. Она послушно подписывала адреса к фамилиям, которые ей приносили в списках. В это время репрессии нарастали стремительно.

Люди исчезали. Приморские города имели особенность, здесь людей топили целыми баржами, что давало возможность экономить патроны. Кто-то пожаловался в «Центр». Из Ленинграда приехал разбираться некий седовласый начальник. Не прошло и недели, как и он исчез бесследно.

Бабушка на работе была целыми сутками, где искала и заполняла под присмотром сотрудника НКВД некие списки, должно быть на арест. В штат адресного бюро было зачислено несколько уголовников. На возмущение сотрудников (особенно сотрудниц) им отвечали: «Они нужны, так как хорошо знают уголовный мир».

Будучи преданной коммунисткой, Мария Эдмундовна не гнушалась никакой работой. Например, когда понадобились сведения о корейцах, которые на острове плохо ловят рыбу, чекист положил на стол партбилет со словами: «В такой шторм я - ни за что». А Эдмундовна поплыла, в шторм. Капитан потерял рулевое управление сразу же. Их всю ночь носило по морю. И наконец, прибило к берегу. Корейцы их откачали. Выслушали упреки, замечания по поводу недостаточного улова. Обратного никто не ждал... Скорее всего, так проверяли населённые пункты, выясняли, есть ли там кого арестовать...

Так вот. На пятый день, выйдя за пределы своей конторы, она вернулась домой. И не застала там дочь – Эмилию (мою маму), которая была арестована в доме своей подруги при участии комсомольца, который почему-то оказался здесь. Маме было тогда 14 лет. Только получила паспорт. В камере было много народу. Известных в городе людей, включая приму местного драмтеатра красавицу Мрачанскую, польку по происхождению. Когда вызывали кого-то на допрос, смотрели, есть ли у арестованной коса. Если обнаруживали её, то наматывали на руку и тащили за косу на допрос. Еда была невозможной для употребления. После нахождения в душном помещении (2 недели или 2 месяца – не помню) была вызвана на допрос. По дороге на допрос встретила своего дядю со следами пыток, который ужасно выглядел. Окликнула его, он оглянулся, но ничего не сказал. А ей приказали «не разговаривать».

Допросная комнатка с ярким освещением и «Тройка» сосредоточенных людей с требованием «признаваться». В чём? Да в шпионаже в пользу Англии и Японии. Тем более, что «...дядя всё про тебя рассказал». На её возражения ответили предложением сделать выбор: «Либо признаешься. И тебя только повесят. Либо продолжаешь молчать. И тебя расстреляем». Когда сильно разрыдалась, зашёл некий начальник чекист. Спросить закурить. Видно, умаялся на допросах. Увидев плачущего ребёнка, стал сюсюкать, спросил почему так сильно плачет, спросил её фамилию. Узнав фамилию и что она дочь Марии Эдмундовны, «нашей сотрудницы», приказал её отпустить. Так мама оказалась на свободе. При освобождении посоветовали молчать, дома сказать, что произошло недоразумение, ошибка. Так после «этого недоразумения» мама не могла полгода улыбаться и нормально разговаривать. Когда вернулась домой, узнала, что арестованы все - соседи, родственники. Особенно мужчины.

Через несколько дней пошла на танцы. Там её скал красавец американец – морской пехотинец, с которым познакомилась до этих событий. Он много дней искал её со словами «Милэн. Where you age???»». Но, перепуганная, она так и простояла за забором танцплощадки. А на танцах, к стати, всегда объявляли: «Девушки! У нас зарубежные гости. Не отказывайтесь танцевать с ними!!!».

На другой день им надо было уезжать из города. Приказано. Куда - никто не знал. В эшелон они не попали. Ехали долго - она, её сестра (которая, к стати, навела на неё чекистов, привела их в дом, где она находилась у подруги). В поезде подружались с такой же семьёй. И те уговорили их поехать в Томск. В Тайге поезд не стал останавливаться. Только слегка притормозил. Пришлось прыгать на ходу. В Томске поразило отсутствие людей не только на улицах. Но и в квартирах. Когда стали искать место для проживания, сразу отказались от элитных домов, которые были

такие же пустые. Там надо было идти за разрешением в горком партии. Выбрали хорошую квартиру на Алтайской 16 – комната и кухня. Было ощущение, что хозяева ушли ненадолго и вот-вот вернутся. На столе – посуда, одежда в шкафах, мебель старинная и самодельная.

Мария Эдмундовна сразу же устроилась на работу. Сначала в Бюро ЗАГСа. Поздравляла брачующихся, вела документацию. Однажды, идя по Ленина, встретила родного брата, арестованного во Владивостоке, которого выслали, как оказалось, в Томск.

Когда брат был арестован и исчез, то его жена пришла к Эдмундовне с просьбой выдать ей свидетельство о его смерти, чтобы оформить пособие на дочь по потере кормильца. Будучи упёртой коммунисткой и слугой своего народа, она отказала. Дело закончилось скандалом и взаимным бойкотом. Она никогда не интересовалась судьбой своих репрессированных родственников. А больше всего переживала свое исключение из партии. Это был самый несчастный день в её жизни. А самый счастливый день в её жизни был день, когда её восстановления в партии. На вопрос о том, за что исключили, ответила: «Отец – враг народа».

К репрессиям своих братьев и отца она относилась с таким пониманием: «Ну мы же поляки. А брат - за границей...». Вроде как так нам и надо...

Интересно было отношение к этим событиям в разных городах. Если в Москве и Питере всё обсуждали, делились своим горем и событиями, стояли сутками на Лубянской площади. То Владивосток, Иркутск, Томск, Новосибирск – тишина. Или: «Уехал в отпуск», «Заболел».

Так вот, через полгода её уволили из бюро ЗАГЗ. Устроилась судьёй – честной и неподкупной. Не соблазнилась ни на одну взятку или благодарность. Через полгода - опять увольнение. И так везде - полгода. И всё. Даже работала распространителем облигаций 3-х процентного займа. Ходила пешком – босиком до Межениновки 33 км) и куда-то ещё. И там люди на свои гроши покупали эти билеты. Не возражали. Все были запуганы. Она не знала, что с любого места работы делают запрос в Москву. Так и промаялась до смерти Сталина. Как ветеран партии была прикреплена к спецмагазину. Но ни разу там не была, считая, что должна жить, как все. Когда пришла перестройка, её зять (мой отец) прикрепил её снова, но уже как жертву политических репрессий. Но голос свой на выборах она всегда отдавала за коммунистов. Со страху. И красный флаг вывешивала на балконе. Тогда отец говорил: «Не додержали нашу мамочку в сталинской тюрьме...». Скончалась она в возрасте 95 лет в 95 году.

Два слова о матери. На мой запрос в КГБ о ней как подвергавшейся аресту мне из органов прислали ответ полный сочувствия, но подтверждающих документов её ареста не прислали. Якобы документов у них по этому делу не сохранилось. Через 10 лет снова запросила. И ответ на этот раз был очень жёсткий, категоричный типа: «Привлекавшимся по уголовной статье - никаких реабилитаций». Короче, мать на всю жизнь осталась со своей неврастенией, с нарушением сна, мрачными мыслями и убеждённостью, что я повторю её судьбу... Но это уже совсем другая история.